

УДК 821.161.1

Саушкин П.С.*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина***«ТРОЕМИРИЕ» КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ТВОРЧЕСТВА
Ю. БАЛТРУШАЙТИСА**

Аннотация. Рассматривается вопрос о наличии собственной мировоззренческой концепции поэта-символиста Ю. Балтрушайтиса. Наследие Серебряного века чрезвычайно богато новаторскими подходами в области философского и художественно-эстетического восприятия мира и человека. Но личная позиция Ю. Балтрушайтиса не нашла отражение в теоретических работах. На основе анализа стихотворных книг «Земные Ступени», «Горная Тропа» и «Лилия и Серп» обосновывается мнение о создании автором философской модели «троемирия», центральной идеей которой является духовно-нравственное совершенствование человека.

Ключевые слова: русская поэзия, символизм, Ю. Балтрушайтис, религиозно-философские учения, мировое древо, преображение, поэтическая картина мира.

P. Saunkin*Yesenin Ryazan State University***“THREE WORLDS” PERCEPTION AS A WORLDVIEW BASE
FOR JURGIS BALTRUSHAITIS’S CREATIVE WORK**

Abstract. The issue of symbolist poet Jurgis Baltrushaitis’s own worldview is the subject of the article. Silver Age legacy is very rich in innovative approaches in the philosophical and artistic-aesthetic perception of the world and a man. However, Jurgis Baltrushaitis’s personal view was not reflected in theoretical works. The opinion that the Baltrushaitis created a philosophical model of “three worlds”, with its central idea of spiritual-and-ethic improvement of a man, is justified by means of analysis of poetry books “Earthly Steps”, “Mountain Trail” and “Lily and Sickle”.

Keywords: Russian poetry, symbolism, Jurgis Baltrushaitis, religious and philosophy systems, universal tree, transfiguration, poetic image of the word.

Русская литература всегда была тесно связана с философией и общественным сознанием. Появившийся и окрепший на рубеже XIX-XX веков символизм, как новый этап в развитии русской литературы, утвердил особое требование к автору – быть философом [12, с. 468]. «Мы – символисты – считаем себя через Шопенгауэра и Ницше детьми великого Кёнигсбергского философа», – заявлял Андрей Белый [8, с. 3], имея в виду И. Канта. Среди настольных книг многих символистов – работы С. Кьеркегора и В. Соловьёва, а также произведения немецких романтиков, что позволило В. Жирмунскому отметить: «Русский символизм имеет богатое мистическое предание, и религиозный ми-

стицизм Новалиса – главный его источник» [17, с. 199].

Религиозная окрашенность присутствует и в поэзии Ю. Балтрушайтиса, философский характер которой отмечали как современники [20, с. 3], так и более поздние исследователи [14, с. 142]. Истоки её уходят в детство поэта, проведённое в литовской глубинке, где религиозность семьи (крёстным отцом будущего поэта был ксендз местного католического прихода) гармонично сочеталась с воспитанием на национальном литовском фольклоре и созерцанием природы, «литовских посёлочных дорог с покривившимися от времени, почерневшими от непогоды крестами, обилие которых внушало /.../ волнующее представление о древнем и скорбном шествии человечества к Голгофе...» [1, с. 84].

В фундаментальной работе Н.А. Богомолова, посвящённой связям русских поэтов-символистов с мистическими и оккультными течениями, Балтрушайтис не упоминается [10]. Это не удивительно для человека, в жизни всячески сторонившегося мистиков и заявлявшего: «Нет, нет, я им, мистикам, не верю...» [6, с. 38].

Но, по-видимому, у Балтрушайтиса была собственная мировоззренческая система, со своей системой координат и исходных точек отсчёта. В 1901 году в письме В.Я. Брюсову он пишет, что «не раз чувствовал знаменательное приближение, почти соседство с миром иным, мера соприкосновения с которым есть единственная мера нашей ценности и искать которого, должно быть, составляет наш единственный смысл» [5, с. 125]. Косвенным подтверждением служат воспоминания Алисы Коонен, которая приводит сло-

ва Бальмонта при её знакомстве с литовцем в 1908 году: «Любите его стихи и опасайтесь его философии!» [19, с. 77]. Таким образом, следует считать мировоззренческую позицию Балтрушайтиса окончательно сложившейся между 1901 и 1908 годами.

Декларативных выступлений, обозначивших философские взгляды поэта, всего два: доклад «О сущности искусства и творческом долге художника», прочитанный в Московском Религиозно-философском обществе 17 декабря 1915 года [25, р. 70-72], и статья «Жертвенное искусство» [4, с. 219-224]. Однако эти работы представляют собой скорее изложение эстетических взглядов поэта, чем философскую концепцию мира и человека.

Традиционно философская система Балтрушайтиса рассматривается на основании исследования Вячеслава Иванова «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт» [18, с. 87-96], в котором анализируются две книги: «Земные Ступени» и «Горная Тропа». Следует, однако, отметить, что Балтрушайтис не принял предложенную Вяч. Ивановым концепцию [22, с. 495].

К осмыслению философских основ лирики Ю. Балтрушайтиса обращались и более поздние исследователи. Среди них следует особо отметить работу Н.А. Богомолова, увидевшего в поэзии Балтрушайтиса одну из философских вершин символистской поэзии: «Формально, изданием книг опоздав к звёздному часу символизма, Балтрушайтис получил возможность дать своим читателям тот извод его, который может восприниматься наиболее абстрактно, исключительно в философских категориях, и поэтому быть оцененными именно как наи-

высшее воплощение творческого духа символизма в его наивысшем развитии» [9, с. 49].

Конструкция сборников составляет трилогию, в основе которой можно увидеть гегелевскую триаду с её классическим представлением о тезе, антитезе и синтезе, развитых модернистами [11, с. 9-30], что позволило Виктории Дауётите охарактеризовать этапы мировоззренческой эволюции Ю. Балтрушайтиса сквозь призму диалектического триединства: «Поиск обобщённого пути человека можно увидеть в структуре «Земных Ступеней», стремление к диалектическому единству противоположностей – в «Горной Тропе», приметы символизации этого единства – в «Лилии и Серпе» [14, с. 163]. На наш взгляд, данная позиция нуждается в некоторых уточнениях.

Все три книги являются, по нашему мнению, отражением взглядов поэта на мироустройство, представляя его как трёхчастную структуру. Противопоставляя своё видение традиционным религиозным и романтическим представлениям о двоимирии (мире реальном и мире ирреальном, потустороннем), Балтрушайтис выдвигает, по существу, концепцию «троемирия».

Отражение идеи «троемирия» проявляется в каждом произведении автора; наиболее ярко оно отразилось в стихотворении «Дерево», запечатлевшем образ мирового древа Иггдрасиль в близкой поэту скандинавской мифологии:

*Тянутся ветви к области горней,
К звёздам в бестрепетной мгле...
Скрыты глубоко тёмные корни
Тайною сетью, в земле...*
[3, с. 47].

Крона (ветви) дерева – «область горняя» – высший идеальный мир; ствол – реальный человеческий мир; корни – мир прошлого. Принимая образ дерева за модель Вселенной, высказывание поэта о «божьем великом лесе» можно интерпретировать как открытие в творчестве Балтрушайтиса темы «мультиверса» (множества вселенных), известной по индуистским Пуранам [13] и философии У. Джеймса [15].

Но Дерево воплощает в себе ещё и образ человека, стремящегося раскрыть загадки Бытия, а стимулом выступает светящая «душе синева» неизвестности. Так модель мира преобразуется в модель человеческого бытия, включая в себя идеальный мир (область стремлений человека к духовному преображению), реальный мир (неуловимое настоящее, путь, по которому следует человек) и мир прошлого (неумолимое течение времени, одним из проявлений которого является смерть).

Три поэтические книги Ю. Балтрушайтиса последовательно реализуют концепцию «троемирия»: «Земные Ступени» повествуют о земной жизни, уходящей в мир прошлого, «Горная Тропа» несёт в себе идею восхождения – пути в идеальный мир, «Лилия и Серп» говорит о постижении откровения, о достижении духовного преображения.

Наиболее сложна с точки зрения художественно-философской концепции и структуры вторая книга, заключающая в себя идею Пути, которая представляется поэту как открытие «другого», нового мира. Именно это имел в виду Балтрушайтис в письме А. Дьяконову: «в «Горной Тропе» я

снимаюсь со всех якорей и отчаливаю от всех пристаней» [7, с. 485]. Человеку, ступившему на этот путь, отрешившемуся от земного, реальность является в преображенном виде и смысле. Многие стихотворения, включённые в сборник, имеют обманчиво тривиальные названия («Узник», «Охота», «Комары», «Альпийский пастух»), но при этом содержат философскую символику. Например, в «Рыбаках» сочетание лёгкости морского пейзажа и тяжёлого труда – древнего промысла человека в борьбе за собственное существование – вызывает двойственное чувство: гармония природной стихии противопоставляется горестной людской доле:

*В радостной силе,
В утреннем свете,
Брошены были
Лёгкие сети...*

[3, с. 113].

Через возникающий образ креста, символ предрешённой судьбы человека, и нечёткие фигуры рыбаков проявляются христианские мотивы стихотворения, источником которых послужили слова Иисуса Христа, обращённые к будущим апостолам Петру и Андрею: «...идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» [16]. Не рыбаки Балтрушайтиса – ждут человеческие души, жаждущие спасения (по религиозному толкованию) или откровения (по мнению автора), и готовы вновь и вновь поднимать сети «с илом и тиной...».

Философские аллегории с евангельским подтекстом встречаются и в других стихах сборника. Так, обманчивость мира Пути отражена в стихотворении «Аминь», завершающем книгу. Лирический герой, жрец храма, изо дня в день приносящий жертвы и воз-

дающий хвалу Богу, уже многие годы находится в Пути: «Повторна ночь, и свет повторен./ Неисчерпаем трепет лет...». Он осознаёт неистинность своего положения и готов неумолимо следовать к высшим рубежам:

*И солнце пламенным восходом
Сверкнёт над новью снов и мест...
Лети, пчела, за новым мёдом!
Прими, невольник, новый крест!*
[3, с. 162]

Неслучайно автор выбрал для названия этого произведения возглас из богослужебного лексикона «аминь», «употребляемый в качестве заключительного слова молитв, проповедей» и означающего «воистину» [24, с. 41], усилив тем самым религиозно-философскую направленность как стихотворения, так и всего сборника.

Возвращаясь к ключевому образу мирового дерева, следует отметить, что в скандинавской мифологии Иггдрасиль «представляет собой одновременно вертикальную (крона – небо – Асгард, ствол – Мидгард, корни – Нифльхейм) и горизонтальную (три корня: Асгард – Мидгард – Утгард) проекции мироздания» [21, с. 522]. Подобную горизонтальную ось имеет и вселенная Балтрушайтиса: конструкция каждого мира соответствует частной структуре определённой стихотворной книги. Не останавливаясь подробно на анализе архитектоники разделов поэтических сборников, включённых в них произведений и других элементах, отметим их основные философские мотивы.

Первая книга – «Земные Ступени» – конструктивно разделена Балтрушайтисом на четыре части, в которых определены этапы познания человеком окружающего земного мира

перед началом восхождения к идеальному миру: первая часть книги призывает получать радость от земного бытия, второй раздел погружает в стихию чувств, третья часть – открытие страдания, четвёртая – познание чувства предела, границы земного мира и человеческого существования. Резюмируя, можно сказать, что «Земные Ступени» олицетворяют путь на земле, жизнь в мире, в котором правит Время.

«Горную Тропу» – вторую книгу стихотворений – поэт создал трёхчастной, указав на новые ступени восхождения человека: первый раздел возвещает открытие нового «потустороннего» мира, вторая часть описывает его притягательность и опасность, третья часть призывает принять окружающий человека мир, смириться с его ограниченностью и с бременем собственного существования; Балтрушайтис впервые намекает на существование некоего откровения, дающего человеку преобразование для новой жизни и ключ для постижения высшего мира.

Посмертный сборник «Лилия и Серп», одновременно и описание трудностей жизненного пути и подведение жизненных итогов. «Зерно» концепции «Лилии и Серпа» содержится в стихотворении «Мой щит», являющемся своеобразной философско-эстетической декларацией автора. Усиливает главную мысль стихотворения эпиграф: «*In hoc signo vinces*» (лат. «Этим знаком победишь»). В произведении создан новый для символистской эпохи образ лирического героя – воинствующего странствующего пророка, «Витязя Тайной Дали», пророка-рыцаря, защищающего и распространяющего свои взгляды. Незыблемость его миро-

воззренческих основ подкрепляется утверждением «стойко я в бою», а целеустремленность намерений – словесной «гравировкой»: «Строгий лик орлиный, / Дышащий огнём...». Произведение насыщено образами и символами: Тайная Даль – высший идеальный мир, Витязь – человек, познавший истину, откровение и преобразившийся для исполнения ниспосланного свыше предназначения. Основное место занимают символы, являющиеся составными частями герба, изображённого на щите. Лилия в западноевропейской традиции считается символом веры, чистоты, Девы Марии, цветок лилии украшает скипетр архангела Гавриила – вестника рождения [23, с. 333-334, 196, 147]; серп – это не только символ крестьянского труда, но и орудие смерти [23, с. 506, 312], в Откровении Иоанна Богослова с серпами изображены Иисус Христос и ангелы, призванные собирать грешников (14: 14-20).

Таким образом, трактовка символов «лилия» и «серп» и их совмещение многогранно: это и путь человека к Богу через труд, и воплощение вершины человеческого существования через любовь, дающую жизнь, и смерть, подводящую итоги личного бытия. Однако, рассматривая название книги в контексте трёхчастной структуры поэтического пути, считаем возможным говорить об индивидуально-авторской интерпретации символов у Балтрушайтиса: «лилия» означает искренность; «серп» указывает на нахождение человека в конце жизненного пути, стоящего у грани, отделяющей жизнь от смерти, дающей опыт и мудрость. Отсюда следует, что Искренность и Мудрость, в понимании Балтрушайтиса, являются под-

линными вершинами человеческих исканий и стремлений. Помочь в их обретении призваны «Молот, Посох, Крест», которые отождествляются с трудом (страстями), странничеством (путём) и верой (судьбой) [23, с. 373, 446-447, 315-318].

Основываясь на вышесказанном, можно говорить о создании Балтрушайтисом собственной картины мира, отличной от создаваемых современниками. Модель собственного мировидения поэт синтезировал из элементов нескольких религиозно-философских систем; этической основой концепции поэта является христианство, образно-символический строй воспринят из скандинавской мифологии, мистическое содержание взято из восточных учений, что позволяет считать мирозерцание Балтрушайтиса не дуалистичным, как большинство традиционных религий, а более многослойным, основанным на морально-этических нормах, близких буддизму и индуизму. Так, например, поэт не вполне приемлет христианские понятия о рае и аде, идею потустороннего мира и посмертного воздаяния; он берёт за основу духовно-нравственное совершенствование человека в жизни, основанное на преодолении пути (аналог сансары) с последующей «разгадкой тайны, живым откровением» [4, с. 221-222], которое будет «служить чуду нашего преображения» [4, с. 222] (аналог нирваны).

Таким образом, Юргис Балтрушайтис через идею «троемирия» (от земного мира через путь к преображению) открывает способ достижения идеального мира, призывая художника к служению «первой и последней заботе искусства – постижению тайны чело-

века» [2, с. 13] и предлагая ему «новые духовные права и новый внутренний долг» [2, с. 27].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балтрушайтис Ю. Автобиографическая справка // Русская литература XX века (1890-1910): В 2 кн. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Кн. 2. М.: ИД «XXI век-Согласие», 2000. С. 84-86.
2. Балтрушайтис Ю. Внутренние приметы творчества Рериха // Рерих. Пг., Изд-во «Свободное искусство», 1915. С. 13-28.
3. Балтрушайтис Ю. Горная Тропа. Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1912. 168 с.
4. Балтрушайтис Ю. Жертвенное искусство // Мысль и слово. Философский ежегодник / под ред. Г. Шпета. Т. II, 1. М.: Кн-во С.И. Сахарова, 1918-1921. С. 219-224.
5. Балтрушайтис Ю. Письмо В. Брюсову от 15.07.1901. // Дауэтите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
6. Балтрушайтис Ю. Письмо А. Дьяконову от 24.02.1906. // Дауэтите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
7. Балтрушайтис Ю. Письмо А. Дьяконову от 12.05.1911. // Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс, 1969. 540 с.
8. Белый А. Критицизм и символизм // Весы. 1904. № 2. С. 2-13.
9. Богомолов Н. На фоне эпохи // Юргис Балтрушайтис. Ступени и тропа. Автор идеи и составитель Юозас Будрайтис. М.: Valtrus, Новое издательство, 2005. С. 21-72.
10. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX в. и оккультизм. Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 560 с.
11. Брюсов В. Синтетика поэзии // Проблемы поэтики. Сб. статей. / Под ред. В.Я. Брюсова. М.-Л.: ЗиФ, 1925. С. 9-30.
12. Брюсов В. Смысл современной поэзии. Отрывки // Собрание сочинений в 7 т. Т. VI. / Под общ. ред. П.Г. Антокольско-

- го и др. М.: Художественная литература, 1975. С. 465-481.
13. Бхагавата-Пурана, б.16.36-37.
14. Дауётите В. Юргис Балтрушайтис: монографический очерк. Вильнюс: Vaga, 1983. 326 с.
15. Джеймс У. Вселенная с плюралистической точки зрения. / Пер. с англ. Б. Осипова и О. Румера. Под ред. прив.-доц. Г.Г. Шпетта. М.: Космос, 1911. VI, 235 с.
16. Евангелие от Матфея, 4: 19.
17. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, 1996. XXXIX, 230,[2] с., [1] л. портр.
18. Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века (1890-1910): В 2 кн. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Кн. 2. М.: ИД «XXI век-Согласие», 2000. С. 87-96.
19. Коонен А. Страницы жизни. Послесл. Ю. Рыбакова. М.: Искусство, 1976. 456 с., с ил.
20. Розанов С. Ю. Балтрушайтис (Силуэт). М., 1913. 16 с.
21. Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. 592 с., илл.
22. Тумялис Ю. Об авторе и книге (Краткий биографический очерк и примечания) // Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс, 1969. С. 469-519.
23. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Пер. с английского А.Е. Майкапара. М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. 656 с.
24. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.
25. Baltrusaitis J. Apie meno esme ir tmenininko kurybine pareiga // Aidai. 1954. № 2. P. 70-72.